

Христос изображен несколько простоватым, этого недостаточно для столь широко распространенной жесткой реакции. Ее вызвала откровенная сексуальная сцена с участием Иисуса и Марии Магдалины — хотя в фильме она подана всего лишь как фантазия. По причинам, которые мы постараемся проанализировать позже, сама мысль об этом вызывает у христиан странное отвращение, вероятно, потому, что затрагивает фундаментальный вопрос божественности Иисуса. Понятие сексуально активного Иисуса, даже при отсутствии намеков на брак, автоматически расценивается ими как богохульство: всякие предположения на этот счет рассматриваются как утверждение, что Иисус не является Сыном Бога. В «Последнем искушении» прослеживается очевидное восхищение автора фильма Марией Магдалиной, а также концепцией ее интимной связи с Иисусом. (Стоит отметить, что директор картины, как ни странно, верующий христианин.)

Однако вовсе не современная вседозволенность превратила Магдалину в святую. В истории она всегда включала в себя современное отношение к женщине, такое отношение, которое всегда оставалось табу для другого значительного женского персонажа Евангелия — отстраненной Мадонне. В викторианской Англии, например, Магдалина служила хорошим предлогом для изображения кающихся блудниц полуобнаженными и в мистическом экстазе: и грешница и святая одновременно, знакомая и неизвестная. В те времена в публичных домах были модными сцены с раскаянием, хотя такого рода мистерии не имеют ничего общего с историей Марии Магдалины, рассказанной в Евангелиях. В наши постфеминистские времена упор делается в основном на ее отношения с Иисусом.

Магдалина всегда выступала в роли лакмусовой бумаги для проверки современного состояния мирских сексуальных нравов, но ее образ отражал также отношение Церкви к женщинам и к их сексуальности. Она причислена к лику святых только в качестве *раскаявшейся* блудницы, и распространение этой легенды зависело от ее раскаяния и последующего смиренного одинокого образа жизни. Ее святость обусловлена ее самоотречением.

В последние два десятилетия Магдалина стала для христианской церкви критерием, который определял отношение Церкви к верующим женщинам, в частности, в тот момент, когда введение института женщин-священников в англиканской церкви вызвало ожесточенные споры. Не случайно при посвящении в сан первой женщины приходского священника в 1994 году в качестве темы для проповеди была выбрана история Нового Завета о том, как Иисус встретил Марию Магдалину в саду. Естественно, что единственная значимая женщина в истории Иисуса, за исключением его Богоматери, стала символом прав женщин для женщин-активисток в рамках христианской церкви. Обусловлено это тем, что власть Марии Магдалины над умами вовсе не воображаемая, она существовала всегда и оказывала глубочайшее воздействие в течение веков, что наглядно показала Сюзан Хаскинс в своей недавно опубликованной книге «Мария Магдалина» (1993 г.)¹.

Сначала притягательная сила Магдалины кажется загадочной, особенно с учетом того, что она упоминается в Новом Завете мельком. У нас возникло искушение, что ее случай аналогичен истории Робин Гуда, скудность информации о котором привела к возникновению легенд, призванных восполнить недостаток сведений. Но *если кто и создал фантазию на тему Мария Магдалина, то это могла быть только Церковь*. Образ Магдалины, как раскаявшейся блудницы, не имеет ничего общего с историей, рассказанной в Евангелиях от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна: персонаж, описанный в Новом Завете, резко отличается от образа, созданного Церковью. Евангелия являются единственными известными большинству людей источниками, где упоминается Мария Магдалина, поэтому обратимся к ним. До недавнего времени большинство христиан считали ее персонажем второго плана. Но за последние двадцать лет в восприятии учеными Магдалины произошел